

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
------------------	---

SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBURG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

А.А. Котомина

“ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ

“Евангелия от Прях”¹ – интересный образец развлекательной художественной прозы на французском языке, возникший в третьей четверти XV в. Это было довольно специфическое время в истории культуры, когда традиции трансляции и консервации текстов претерпевали существенные изменения в связи с освоением технологии книгопечатания. В сфере культуры и в повседневной жизни устная передача текстов постепенно уступала место индивидуальному чтению вслух, которое дополнялось и вытеснялось чтением про себя. В процессе замены книгопечатанием ручного способа воспроизводства книг сами тексты подвергались упорядочиванию и унификации. Вместе с техническими и формальными усовершенствованиями менялись и литература, и характер интереса к ней.

Задача данной статьи – показать, как процессы, происходившие в последней четверти XV в. в культуре, повлияли на особенности одного конкретного сочинения. Нас будут интересовать в равной мере как специфика содержания “Евангелий от Прях”, так и нюансы “рождения”, бытования и становления произведения.

* * *

Содержательную основу произведения составляют поверья и связанные с ними практики, бытовавшие в изучаемое время в Северной Фландрии и Пикардии. Современные ученые впервые проявили интерес к “Евангелиям от Прях” в контексте изучения специфики фольклора отдельных регионов Франции и сопредельных территорий. Это случилось во второй половине XIX в.

Поль Себийо, автор четырехтомного труда “Фольклор Франции”, обратил внимание на то, что в “Евангелиях” “без купюр и с дошностью” изображены “многие практики и поверья”². С 60-х годов XIX в. по конец 80-х годов XX в. изучением этой проблемы занимались многие ученые, в том числе А. Ван Геннеп, М. Жей, А. Поппер-Буше³, констатировавшие особенности содержательной основы произведения⁴. Составленные в ходе исследований индексы позволили выявить более чем 200 разнообразных верований, так или иначе отображенных в произведении. Многие из этих поверий и практик, по мнению П. Себийо, совпадали “с бытующими сейчас (в середине XIX в. – А.К.) практиками и поверьями”⁵.

Поверья, составляющие содержательную основу произведения, передавались и сохранялись преимущественно среди людей, для которых они имели значение “практического знания”⁶. Этот тип зна-

ния можно определить как знание инвариантов поведения, адекватного той или иной ситуации. “Практические знания” предназначались для применения, поэтому существовали в основном в устной форме и сохранялись в памяти. “Неписаная” форма бытования “практического знания” ускоряла процесс актуализации необходимых сведений в случае, когда их надо было применить⁷.

О людях, среди которых бытовали поверья, отображенные в “Евангелиях от Прях”, трудно сказать что-либо определенное, так как судить о них можно лишь по бытовым деталям, встречающимся непосредственно в произведении. Анализу последних и попытке восстановить на их основании образ среды, в которой циркулировали поверья, “изображенные” в изучаемом произведении, посвящена монография А. Поппер-Буше⁸.

* * *

Корпус из 200 или более верований – это еще не совсем “Евангелия от Прях”, это своего рода “авантекст”⁹ произведения, реконструированный специалистами по фольклору. О сущности различий между корпусом поверий, составляющим “авантекст”, и смысловым целым произведения речь пойдет в дальнейшем.

Зародившись в одной культурной среде, поверья, составившие содержательную основу “Евангелий от Прях”, были в последней четверти XV в. “заимствованы” людьми, принадлежавшими к несколько иному социальному кругу и составлявшими другую культурную среду. В процессе “заимствования” поверья и практики были переведены на язык системы представлений, тесно связанной с книгой как формой организации и сохранения знания.

В последней четверти XV в. на протяжении сравнительно небольшого промежутка времени в одной местности появились одна за другой сразу три книги, содержавшие произведение, именуемое “Евангелия от Прях”. Первая по времени изготовления книга появилась во второй половине 70-х годов XV в.¹⁰ По нарядному, в меру роскошному, но достаточно заурядному оформлению сборника мы можем различить в нем типичный образец “массовой продукции” книжных мастерских, ориентирующихся на бургундский стиль оформления рукописных книг. Открывали книгу 152 фрагмента, большая часть которых пересказывала “поверья и практики”, заинтересовавшие в XIX в. специалистов по фольклору Северной Фландрии и Пикардии.

До конца 1470-х годов изготовили еще одну книгу¹¹, тоже рукописную, но оформленную несколько скромнее. Если первый сборник объединял под одной обложкой разные произведения, то во втором содержались только фрагменты, именуемые “Евангелия от Прях”. При этом они оказались дополнены развернутыми вступле-

ниями и заключениями, несколько меняющими общий смысл произведения. Таким образом, перед нами вторая редакция “Евангелий”, появившаяся всего через несколько лет после первой.

Вскоре, между 1479 и 1482 гг., под руководством Колара Мансьона была изготовлена печатным способом еще одна книга, содержащая “Евангелия от Прях”¹². Внешнее оформление этой книги отличается простотой. Текст не имеет никаких украшений, кроме рубрик, разделяющих большие и маленькие разделы произведения. Скромная по объему книга небольшого формата напечатана на бумаге. Готический шрифт, использованный для набора, был уже слегка истерт от употребления.

Инкунабула “Евангелий от Прях” почти без изменений воспроизводит вторую редакцию произведения. Она стала основой для целой серии его переизданий. С конца 80–90-х годов XV в. и на протяжении XVI в. циркулировало уже нескольких десятков книг, содержавших “Евангелия от Прях”. Это были печатные книги, подготовленные главным образом в Лионе и Париже¹³. Рукописных копий произведения после конца 1470-х годов больше не изготовляли. Своей относительной многочисленностью издания после 1482 г. указывают на то, что после появления первого печатного издания произведение было прочно усвоено той культурной средой, которая предпочитала знания, сохраненные в книгах, а не в памяти. Поверья и практики, бытовавшие в устной форме, к этому моменту превратились в литературное произведение, распространившееся в форме печатной книги за пределы местности, в которой оно было создано.

Все три первые книги с текстом произведения были изготовлены на протяжении 10–15 лет в одном из фламандских городов, принадлежавших короне бургундского герцога, скорее всего, в Брюгге¹⁴. В изучаемые годы объемы производства книг были не сравнимы с современными. Количество грамотных людей было также невелико. Появление друг за другом трех непохожих одна на другую книг указывает на процесс усвоения книжно-письменной культурой поверий и практик, бытовавших в устной форме. Различия в форме и содержании этих книг могут раскрыть некоторые нюансы этого процесса.

* * *

Напомню, что первая из трех книг, самая дорогая, была сборником. В нем были собраны задачи, сценарии групповых игр, ребусы, отрывок с заголовком “Привычки и особенности собак”, “Любовные загадки”. Судя по содержанию, книга была предназначена для коллективного чтения вслух в ходе соседских или домашних вечеринок¹⁵. Внушительный размер¹⁶, нарядные украшения и цветные иллюстрации косвенно указывают на то, что книга могла быть предназначена

для публичного использования в большей степени, чем для индивидуального чтения в уединении.

В частности, городские хроники Брюгге, одного из городов региона, откуда происходят отображенные в произведении поверья, действительно упоминают о существовании в XV в. по меньшей мере трех городских сообществ, именованных “палаты красноречия”. Их участники, миряне и клирики, занимались организацией процессий, постановкой живых картин, сочиняли мистерии и другие спектакли, создавали и читали вслух поэмы на злобу дня на французском языке¹⁷. “Палаты красноречия” объединяли людей не совсем равных по уровню образования и социальному происхождению, но живших в одном городе, “сограждан”.

Возможно также, что, помимо “палат красноречия”, в этом и других городах региона существовали на менее регулярной основе и более мелкие соседские объединения, не заслужившие из-за своего частного характера упоминания “в анналах”. Но именно через такие, случайно возникшие на временной основе местные культурные сообщества и прокладывали себе дорогу новые тенденции в культуре. В “палатах красноречия” или на соседских вечеринках происходило взаимопроникновение и взаимообогащение книжной и устной традиций бытования текстов.

Г. Перуз считает, что жанр “краткого повествования”, к которому отчасти можно отнести и “Евангелия от Прях”, был обязан своим рождением искусству ведения “изящной беседы”, которое процветало во Франции со второй половины XV в.¹⁸ Немаловажной частью этого искусства было умение развлечь слушателя новой, удивительной историей. На соседских вечеринках, в местных культурных микросообществах истории, почерпнутые из книг, обрастали в процессе пересказа новыми подробностями. Грамотные участники соседских посиделок могли записывать некоторые особенно популярные устные рассказы или фабулы импровизированных спектаклей¹⁹. Возможно, “Евангелия от Прях” как произведение “родились” и первое время “жили” внутри одного из таких культурных микросообществ, принадлежа отчасти устной, отчасти письменной сфере самореализации культуры. На это, в частности, указывает специфическая литературная форма первой редакции произведения.

* * *

Напомню, что в первой редакции произведения поверья были изложены в форме 152 коротких фрагментов, небольших глав, именуемых “евангелиями”. Главы следовали одна за другой без определенного порядка и образовывали три больших части (“вечера”) неравных размеров. Первая часть объединяла 30 фрагментов, вторая – 82, третья – 40. В сюжетном или тематическом отношении отдельные

“евангелия” прямо не были связаны между собой. Сюжеты или детали отдельных глав могли повторяться.

Перечисленные свойства текста иногда заставляли исследователей думать, что первая рукопись представляла собой простой список, индекс поверий. По этой причине в истории становления произведения этой рукописи обычно отводится роль своеобразного “черновика”, подготовившего появление второй редакции, “более совершенной в художественном отношении”²⁰. Однако роскошное издание сборника и место произведения в нем не позволяют считать первую редакцию “просто черновиком”. Скорее, это своего рода “мнемоническая шпаргалка” для рассказчика, который в ходе соседской или домашней вечеринки захотел бы развлечь публику занимательными рассказами.

Большие части (“вечера”) не столько композиционно объединяли, сколько формально разделяли свод единообразных глав (“евангелий”). В первой редакции произведения введение и заключение к главам были так формальны, что умещались в одном–двух предложениях. Предполагаемый создатель данного “опуса” не предпринял ни малейшей попытки суммировать или резюмировать содержание многочисленных глав. Каждый из фрагментов первой редакции “Евангелий от Прях” предназначался для изолированного восприятия, что облегчало их включение в устную коммуникацию, происходившую на вечеринке. Чтец мог легче запомнить разрозненные части, перейти от конкретного фрагмента к собственным знаниям, воспоминаниям, либо фантазиям на ту же тему. Он мог безболезненно заменить историю из книги на другую, пришедшую ему на ум по ходу чтения.

Напрасно современный читатель стал бы искать индекс или алфавитный список, которые облегчили бы человеку, желавшему воспользоваться “произведением-шпаргалкой”, ориентирование в тексте. Идея книжного “вспомогательного аппарата” появилась более чем через сто лет после изучаемого момента. Эта “шпаргалка” служила не для наведения справок, но для вдохновения рассказчика. Некоторые фрагменты первой редакции “сжимались” до одного предложения, но все равно, благодаря особенностям повествовательной формы, они содержали в скрытом виде возможность “развернуть” историю. Многие фрагменты имели сходную грамматическую структуру и начинались с одинаковых слов, что придавало им сходство с ритмизированной прозой и облегчало их запоминание.

Первую редакцию “Евангелий от Прях”, а также некоторые другие тексты сборника можно считать принадлежащими к письменной культуре лишь “наполовину”. Текст читался вслух, вызывая ответные истории, дополнения и, возможно, критические суждения. Он становился основой для беседы. Предположение о “полуписьменном”

статусе текста подтверждается иллюстрациями к сборнику, изображающими общающихся людей: на первой миниатюре мирно беседуют три пряхи, на второй – влюбленные обмениваются вопросами²¹.

Особенности бытования первой редакции произведения, отразившиеся в форме и в содержании книги, показывают, что в определенных условиях устная трансляция текстов сочеталась с чтением вслух. В период культурных трансформаций некоторые практики могли сосуществовать, две традиции “поддерживали” одна другую. Уникальность первой редакции “Евангелий от Прях” обусловлена возникновением текста в рамках короткого периода “мирного сосуществования” устной и письменной традиций.

* * *

Первая редакция “Евангелий от Прях” не только бытовала в специфической атмосфере соседских вечеринок, но, вероятнее всего, и возникла там же. Произведение появилось в сборнике благодаря записи курьезных историй, рассказанных в ходе одной или нескольких вечеринок.

Заключение к первой редакции произведения сообщало: “...Евангелия от Прях некогда собраны разными достопочтенными людьми, господином Fouquart de Cambrai, господином Anthoine du Val и Jehan d’Arras по прозвищу Caron”²². А. Поппер-Буше искала упоминания имен “достопочтенных господ” в других источниках, но не нашла²³. Возможно, известные литераторы скрыли свои подлинные имена за псевдонимами. Однако характер текста подсказывает, что *incipit* сообщает имена рядовых участников соседских сообществ. Они, хоть никогда и не стремились прославиться на литературном поприще, увлеклись историями определенного рода и записали то, что вспомнили сами и услышали от других.

После того как “достопочтенные господа” отложили перо и сборник был уже изготовлен (и, возможно, продан), коллекция “евангелий” продолжала пополняться. После слов “на этом заканчиваются “Евангелия от Прях” другой рукой вписаны еще полторы страницы текста, содержащего еще около 15 фрагментов. Эти фрагменты часто предлагают варианты историй, записанных в основной части. Наличие данной интерполяции показывает, что книга продолжала свою жизнь внутри сообщества, где интересовались подобными историями.

* * *

Предположение относительно ситуации, в которой произошло “рождение” изучаемого произведения, оставляет без ответа много вопросов. Как бытовавшие в сельской местности поверья, выражавшие “практическое знание”, были связаны с историями, рассказывавши-

мися на соседских посиделках горожан? В чем заключалась причина интереса горожан к поверьям?

Практики и поверья, изображенные в “Евангелиях от Прях”, отражали знание, которое можно назвать “практическим” по цели и “магическим” по средствам реализации: “Одна старая пряха сказала так: истинно как евангелие, что если женщина хочет быть горячо любимой своим господином или любовником, пусть даст ему съест корни кошачьей травы, и он крепко полюбит ее”²⁴.

Магия всегда вызывала интерес “непосвященных”. Фландрия была в конце XV в. экономически развитым и существенно урбанизированным регионом. М. Жей в монографии, посвященной анализу поверий “Евангелий от Прях”, приходит к выводу, что в конце XV в. даже в среде “адептов” магии происходит разрыв поверий и связанных с ними практик с ритуальной жизнью социума²⁵. Это приводит к отмене ограничений в доступе к тайным знаниям для непосвященных. Поверья и практики, сохраняемые в памяти социума, приняли даже в той среде, которая их породила, форму, имеющую много общего со сказкой²⁶.

Р. Мюшембле справедливо указал на то, что поверья и практики были записаны тогда, “когда еще не возник непреодолимый барьер пренебрежения, который уже в XVII в. разделил элиту и народные массы”²⁷. Жители города и “деревенские” относились к поверьям с одинаковой долей любопытства и скепсиса. “Из уст в уста” передавались не столько сами магические рецепты и заклинания, сколько истории, отражавшие инварианты поведения тех людей, которые верят в поверья. Именно эти истории “достигли ушей” участников городских соседских сообществ и были записаны.

Однако горожане, составившие “Евангелия от Прях”, не всегда ясно представляли себе внутреннюю логику тех или иных поверий. По этой причине некоторые из них были, вопреки оценке П. Себийю, переданы не совсем точно и полно. “Достопочтенные господа” хотели запечатлеть занимательную (для них) экстравагантность поступков некоторых людей, иногда давая воображению заменить собой недостаточную осведомленность в области “практического знания”. Интересно, что редактор, создавший второй вариант текста, выявил и исключил либо прокомментировал несколько фрагментов, которые казались ему неточными или абсурдными²⁸.

* * *

Записывая истории, происходившие из сельской местности, но пересказанные горожанами, “достопочтенные господа” выработали определенный прием, который облегчал их работу и восприятие произведения читателями из их круга. Выше уже говорилось о том, что фрагменты первой редакции так похожи друг на друга по грамматической структуре, что напоминают ритмизированную прозу. Едино-

образе фрагментов обусловлено не только тем способом употребления, для которого предназначалась запись, но и сохранением их связи с формой, в которой транслировались истории в устной фазе своего бытования.

Рассмотрим некоторые особенности повествовательной формы, которая используется во фрагментах первой редакции и в несколько усовершенствованном виде наследуется второй редакцией произведения. Фрагменты, составляющие “Евангелия от Прях”, почти схематически рассказывают о том, что случилось сначала и что может случиться потом с героем, который выступает в качестве субъекта действия (пример 1), либо в качестве наблюдателя, вовлеченного в происходящее (примеры 2, 3): “Если кто станет мочиться против монастыря или на кладбище, это будет большое чудо, если перед смертью его не хватит апоплексический удар, или, по меньшей мере, у него будут камни”²⁹. “Если кошка облизывает себя со всех сторон и лапу, которую лижет, заводит за ухо, не следует затевать стирку, потому что все это знак того, что вскоре будет дождь и плохая погода”³⁰. “Если хозяин или дама из какого-нибудь дома больны, и ворон прилетел и кричит над трубой дома, это верный знак того, что больной умрет; а если после ворона прилетит сорока стрекотать на всю округу, это хороший знак для больного”³¹.

Для вербализации поверий и других форм “практического знания” в устной речи использовались безличные грамматические конструкции. Грамматическая безличность поверий, примет, пословиц выражала универсальную ценность истин, которые в них содержались. В отличие от устных форм бытования поверий, во всех без исключения фрагментах, составляющих “Евангелия от Прях”, грамматически может быть выделен субъект действия.

Поверья, записанные как сжатые истории, рассказывали о человеке, его реакциях, ожиданиях или поступках. Эта особенность повествования, заложенная грамматикой, вызвана тем, что записаны были не поверья, а истории о людях, разделявших веру в них. В одном из процитированных фрагментов говорится о признаках приближения дождя не для того, чтобы выразить скрытую таинственную взаимосвязь отдельных частей мироздания, но чтобы предостеречь хозяйку от намерения начинать стирку, что поясняется во второй части фрагмента. Универсальные истины и законы мироздания отодвинулись в записанных фрагментах на второе место.

Различия, существовавшие между настоящими поверьями и теми историями, которые были записаны, особенно наглядно проявились в трактовке образов “потусторонних” персонажей: “кошмаров”, домовых, леших. Столкновение героев с этими существами не считается здесь проявлением необъяснимого, невероятного. Такая трактовка типична для фольклорного жанра былички (conte)³². При описа-

нии встречи героя фрагмента с необычными существами акцент делается на “правильном” или “неправильном” поведении героя. Если женщина хочет избежать встречи с “кошмаром” или домовым, ей следует предпринять ряд конкретных мер. Если встречи избежать не удалось, следует делать также совершенно конкретные вещи³³. Благодаря такому изображению “нечистая сила” теряет в повествовании “евангелий” свою “автономию” от мира людей. Правда, встречи с нечистью и другими потусторонними существами всегда описаны в сослагательном наклонении, что выражает некоторую долю иронии в отношении к возможности таких встреч.

Во всех фрагментах субъект действия именуется обобщенно (женщина, мужчина), иногда при помощи местоимения (вы), иногда через местоименную конструкцию (кто найдет). Способ именовании обезличивает героев фрагментов. Истории о “тех, кто так говорит и делает”, лишь отчасти разорвали связь с той сферой культуры, которая опиралась на устные формы трансляции и сохранения знания. Безличность приметы или поговорки заменили “типичные”, лишённые индивидуальной выразительности герои анекдота и сказки.

Выбор приема изложения поверий указывает на сохранение тесного родства первой редакции “Евангелий от Прях” с повествовательными формами, выработанными в ходе устной передачи знания. Однако “достопочтенные господа”, записавшие истории, не были полными профанами в литературе, любили читать, а не только слушать и рассказывать. Записывая истории, они, в силу своих способностей и возможностей, хотели создать не список и не индекс, а литературное произведение.

* * *

Остановимся подробнее на некоторых особенностях первой редакции “Евангелий от Прях” как литературного произведения. Как бы тесно ни было связано его рождение с досугами соседских сообществ горожан, все же запись историй осуществлялась в соответствии с определенным замыслом.

Согласно приему, широко распространенному в изучаемое время в литературе на французском языке, создатели текста перепоручили повествование вымышленным героям. В первой редакции герои-рассказчики индивидуализированы немногим более чисто условных героев фрагментов. Однако, в отличие от них, герои-рассказчики имеют некоторые черты литературных персонажей, и читатель может понять отношение “авторов” произведения к ним. Эти герои, вернее, героини, – пожилые женщины, о несколько сомнительной репутации и вздорном характере которых дают представление очень короткие вставные истории, напоминающие театральные ремарки. Героини – рассказчицы именуются “старухами” (*vielle*) или более нейтрально –

“женщинами” (femme), а иногда “пряхами” (filleresse). Пожилой возраст в литературе низкого жанра этой эпохи был одним из средств создания комического образа³⁴. Детали повествования указывают на то, что героини занимались сельским хозяйством, проживали в собственных домах в сельской местности. Рассказывая друг другу истории, составляющие произведение, героини прядут. Занятие героинь встраивало их образы в культурный контекст, восходящий к богиням судьбы античной мифологии, и одновременно придавало им дополнительный комический оттенок. Прядение как типично женское занятие и прялка как его символ в изучаемое время прочно ассоциировалось с ограниченностью, мотивированной полом и состоянием³⁵.

Произведение названо “Евангелия от Прях”, и это призвано показать, что ответственность за содержание записанных в нем историй – “евангелий” – лежит не на “достопочтенных господах”, только “собравших” их, а исключительно на пожилых деревенских женщинах, пряхах. Передача права повествования таким персонажам создаст заданную литературным этикетом того времени атмосферу игры. Игра с “литературными масками” воспринималась тем более остро оттого, что книга и произведение были тесно связаны с жизнью одного из городских соседских микросообществ. Однако перепоручение фрагментов пожилым пряхам в качестве рассказчиц подчеркивает и общераспространенный скептицизм в отношении “практического знания”, сомнения в его ценности. Городские жители, записавшие истории, понимали, что даже в деревне не все разделяют серьезное отношение к поверьям.

Передача слова пожилым пряхам несколько изменяла первоначальный смысл фрагментов. Истории из жизни людей, веривших в поверья, в контексте произведения воспринимались как “энциклопедия” житейских случаев. На примере этих случаев героини-рассказчицы описывали образец “правильной” реакции “разумной” девушки-невесты/женщины-матери-хозяйки-жены на некоторый набор житейских ситуаций. Основой “правильной” реакции (в представлении героинь-рассказчиц) было “практическое знание”³⁶.

Замысел произведения, выраженный в названии, заключался в раскрытии через множественные примеры определенной жизненной позиции, которая стала предметом художественного воплощения через образы рассказчиц.

* * *

Напомню, что вторая рукописная книга, содержавшая “Евангелия от Прях”, появилась менее чем через десять лет после того, как “истории прях” были записаны в нарядном сборнике. В оформлении второй книги было много, на первый взгляд, общих черт со сборником. Она была переписана на пергамене вариантом того же почерка, ук-

рашена орнаментированным инициалом и миниатюрой и не имела выходных данных. Этот “библиографический изъян” указывает на то, что вторая книга, скорее всего, как и первая, была изготовлена для узкого круга “своих”.

При более внимательном знакомстве с книгой обнаруживается, что в ней меньше украшений, пергамен отличается более низким качеством, миниатюра и почерк – небрежностью. Формат и объем книги – значительно меньше, чем у сборника. Она содержит только одно произведение. Детали оформления указывают на то, что книга, в отличие от сборника, предназначалась не для публичного использования, но для “приватного” чтения “про себя” и для себя.

Для удобства читателя фрагменты, получившие во второй книге название “заповедей”, были распределены не по трем вечерам, но по шести дням, причем относительно равномерно: 1 день – 26 “заповедей”; 2 день – 24 “заповеди”; 3 день – 21 “заповедь”; 4 день – 23 “заповеди”; 5 и 6 день – 19 “заповедей”. Человек, подготовивший текст для издания, внес определенный порядок и в последовательность сюжетов, объединив близкие по теме фрагменты в пару “заповедь-гlossa”. Были также проставлены номера страниц, которые позволяли быстрее ориентироваться в тексте, в частности возвращаться к тому же месту в случае, если чтение было приостановлено. Существенно отредактированные “Евангелия от Прях” предстают во второй книге уже не “мнемонической шпаргалкой”, а произведением, которое должно быть прочитано полностью и подряд.

Имена трех “достопочтенных господ” исчезли из второй редакции. Есть гипотеза, что вторая книга была изготовлена при участии К. Мансьона³⁷. Мансьон был профессиональным “человеком пера”, компилятором и переводчиком с латыни. Он был родом из Пикардии и работал в Брюгге. Поверья, пересказанные в “Евангелиях от Прях”, могли быть ему знакомы лучше, чем другим. Известно, что К. Мансьон держал в руках сборник из Шантильи и даже работал с ним. В конце 70-х годов XV в. из его печатни вышло издание “Любовных загадок”³⁸. Единственным источником этого текста был хорошо известный нам сборник.

Деятельность К. Мансьона в Брюгге была нацелена, в частности, на воспитание читателя, более погруженного в книжную культуру и литературу³⁹. Возможным результатом его деятельности было создание в Брюгге нового культурного сообщества, существовавшего на иных основаниях, чем “соседские объединения” или “палаты красноречия”. Новое культурное сообщество могло также поддерживать работу печатни в городе, где не было таких заказчиков и покупателей книг, как выпускники университетов и больших школ. Спустя несколько лет печатня Брюгге выпустила инкунабулу, которая практически без изменений повторила текст второй редакции. Не ис-

ключено, что читательское сообщество, объединившееся вокруг печати, и было тем кругом “своих”, для которых были изготовлены инкунабула и вторая рукопись.

Вторая редакция произведения была подготовлена более искусственным в литературе человеком. Книга предназначалась для читателей, которые читали “для себя” и были способны задумываться над смыслом прочитанного, а не только усваивать новые сюжеты.

* * *

Работая над созданием второй редакции “Евангелий от Прях”, компилятор сделал текст не просто более удобным для чтения “про себя”, но и более увлекательным. Объединение “заповедей” с “глоссами” подчеркивало комический и нелепый характер многих рекомендаций прях. Во второй редакции произведение содержит множество аллюзий на литературу изучаемого времени, в том числе и на произведение вполне “серьезные” – на аллегорические поэмы, куртуазную лирику. Сохранив соль и пикантность историй, записанных во фрагментах, автор второй редакции существенно изменил их “смысловое звучание”.

Напомню, что замысел первой редакции заключался в раскрытии определенной жизненной позиции, которую воплощают образы рассказчиц. Во второй редакции объектом художественного изображения становятся не только люди, которые действуют, руководствуясь “практическим знанием” поверий, но и люди, которые слушают и записывают подобные истории.

Во второй редакции появляется развернутый пролог. В нем подробно описана интрига между шестью пожилыми соседками-пряхами и не слишком юным, глуховатым и подслеповатым “грамотеем”. Этой драматической встрече мы якобы обязаны появлением на свет “трактата”, озаглавленного “Евангелия от Прях”. Пожилой грамотный мужчина проживал неподалеку от дома, в котором имели обыкновение собираться соседки, чтобы прясть и обмениваться новостями, до которых он был большой любитель. Увидев грамотного соседа у себя в гостях, пряхи решили привлечь его к записи их “евангелий”, которые они собирались каждый вечер “оглашать”. Цель этой записи заключалась, как они объяснили своему новоиспеченному “секретарю”, в том, чтобы сохранить “вековую мудрость женщин” для последующих поколений⁴⁰.

Во второй редакции героини-рассказчицы наделяются фантастическими “псевдо-аллегорическими” именами. В тексте первой редакции только три пряхи были названы по имени – Traneline, Sebille и Berte. Во второй редакции инициаторами посиделок выступали Transeline du Croq, Ysengrine du Glay, Abonde du Four, Sebille des Mares, Gomberde la Faec, Berthe de Corne⁴¹. Благодаря фантастическим име-

нам, пролог воспринимается как пародия на вступления к дидактическим полупрозаическим-полупоэтическим “поэмам”, в которых придворные поэты выражали в аллегорической форме основы своего мировоззрения⁴².

Старые и уродливые соседки описаны во второй редакции по всем правилам создания комических характеров. Они высокопарно рассуждают о целях своих “посиделок”, которые то и дело превращаются в “базар, где ничего не продавалось, кроме слов и суждений по всяким незначительным и пустым поводам”⁴³. Истории прях записывает пожилой мужчина, который позволяет женщинам собой помыкать. В прологе соседские посиделки пожилых прях изображают в сатирическом ключе сообщества рассказчиков, внутри одного из которых были впервые записаны поверья и родилась первая редакция произведения.

Особенности содержания второй редакции показывают, как продолжалось осмысление поверий после того, как они были впервые записаны и стали достоянием книжной культуры и частью литературного процесса⁴⁴. Пролог второй редакции – это своего рода комментарий, выражающий на языке литературных условностей того времени представление ее создателя о взаимодействии устной (фольклорной) и письменной (книжной) традиций трансляции текстов. Герои-рассказчики персонифицируют свойства двух разных традиций. Интересно, что и героини, олицетворяющие устную традицию, и герой, олицетворяющий письменную, представлены одинаково старыми. Но при этом герой, представляющий книжную традицию, остается в меньшинстве.

Если в той читательской среде, в которой поверья были впервые записаны, причиной обращения к этому материалу было любопытство к “другому” образу жизни, то там, где родилась вторая редакция произведения, поверья стали объектом рефлексии с точки зрения значения их записи для литературного процесса. В заключение составитель второй редакции пишет: “Вы, дамы и господа, которые прочтете или прочли этот маленький трактат, прошу вас, отнеситесь к нему как к приятному времяпрепровождению и не предполагайте ничего из написанного за плод или субстанцию истины или как надежное руководство к действию. Но воспринимайте все, что было прочитано и записано, как доказательство несостоятельности тех, которые подобным образом болтают, когда собираются вместе”⁴⁵.

* * *

“Евангелия от Прях” предстают перед современным читателем как произведение одновременно уникальное и типичное для своего времени. Замысел произведения уникален, так как он родился в специфической ситуации урбанизированных территорий Фландрии, находившихся во владении Бургундского герцогства, в конце XV в. Жите-

ли городов и городской округи в равной мере испытывали любопытство и интерес к поверьям и практикам. Практики и поверья в это время вытеснялись из практической жизни в область чистого повествования – сначала сказочного и анекдотического, а потом литературно-условного. В книгах были записаны уже не сами поверья, а истории об их применении. Форма, найденная теми, кто впервые попытался записать истории о поверьях, связывала устное бытование историй с литературной традицией времени. Изменения, которые произошли с “Евангелиями” при подготовке следующих публикаций, показывают, как усложнялась их литературная форма и как произведение уходило из зоны “полуписьменного” бытования в сферу чистой литературы для ценителей. Таким образом, перемещение поверий из породившей их среды приверженцев “практического знания” в среду книжной культуры происходило как бы в несколько ступеней. Книги, в которых было впервые “опубликовано” произведение, сохранили следы постепенности этого перехода. Переход был постепенным благодаря сосуществованию внутри сообщества грамотных людей разных практик обращения с текстами – от устного пересказа и чтения вслух среди любителей до чтения “про себя”. Связь формы и содержания двух редакций с обстоятельствами бытования произведения делает его типичным для своего времени. Изучая эти особенности, мы узнаем о том, как конкретно протекали культурные процессы в эпоху, ознаменованную возникновением книгопечатания. Последнее стимулировало профессионализацию чтения и литературной деятельности и способствовало возникновению рефлексии над другими практиками обращения с текстами. Примеры рефлексии подобного рода мы также встречаем в этом типичном в своей уникальности произведении.

¹ “Évangiles des Quenouilles”. В переводе названия на русский язык допущена некоторая вольность. Дословно его следовало бы перевести как “Евангелия от Прялок”. Содержание произведения позволяет предположить, что слово “прялка” (quenouilles) в названии является метонимией, указывающей на основное занятие героинь, которым поручено повествование. См. подробнее примеч. 33.

² *Sebillot P.* CR de l'édition Pierre Jannet des Evangiles des Quenouilles // *Revue des traditions populaires.* 1907. Т. 22. P. 386.

³ *Sebillot P.* Le Folklore de France. P., 1904–1907; *Van Gennep A.* Le Folklore de la Flandre et du Hainaut française. P., 1935; *Jey M.* Savoir faire. Une analyse des croyances des “Évangiles des Quenouilles.” Montréal, 1983; *Paupert-Bouchez A.* Les fileuses et le clerc: une étude des Evangiles des Quenouilles // *Bibliothèque du XV siècle.* 1990. Т. 52.

⁴ Подробный обзор истории изучения “Евангелий от Прях” см.: *Котомина А.А.* “Евангелия от Прях”: инкунабула, манускрипт, публика. Социокультурные аспекты деятельности издателя XV в. М., 2008 (на правах рукописи).

- ⁵ *Sebillot P.* Op. cit.
- ⁶ Это удачное определение введено М. Жей: *Jey M.* Op. cit.
- ⁷ Ср.: «Если женщина заметит, что за ней идет волк, она должна тогда проташить свой пояс по земле за собой, приговаривая: “Берегись, волк, как бы Богоматерь тебя не покарала”, и тогда, смущенный, он повернет обратно”. “Госпожа Hermofrode сказала, что от этого нет другого средства, кроме как взять обувь, в которой был ее муж, когда ее бил, и дать ей из нее напиться, и если так сделать, то знайте, что она легко разродится” (*Les Évangiles des Quenouilles / Éd. critique, introduction et notes par M. Jeay. Montréal, 1985. P. 87, 96; перевод мой. – А.К.*).
- ⁸ *Raupert-Bouchez A.* Op. cit.
- ⁹ В данном контексте понятие “авантекст” употребляется с некоторой долей условности. В генетической критике, литературоведческом направлении, выработавшем это понятие, под “авантекстом” понимают “совокупность черновиков: рукописей, набросков, вариантов, сценариев, планов, рассматриваемых как материальные предшественники текста, системно с ним связанные”. См.: *Дмитриева Е.Е.* Вступительная статья и словарь // Генетическая критика во Франции: Антология / Под ред. А.Д. Михайлова. М., 1999. С. 283.
- ¹⁰ Сейчас сборник хранится в музее Конде в Шантильи: Chantilly. Musée Condé. 654.
- ¹¹ Рукопись хранится в Париже, в Национальной библиотеке: B.N. Ms. fr. 2151.
- ¹² Книга хранится также в Национальной библиотеке: B.N. Rés. Ye 92.
- ¹³ Подробнее об изданиях после инкунабулы К. Мансьона см.: *Les Évangiles des Quenouilles.* P. 38–42.
- ¹⁴ Во всех трех первых книгах, содержащих интересующее нас произведение, отсутствуют выходные данные. Время и место их изготовления установлены на основании косвенных кодикологических и текстологических данных. Подробнее обоснование датировок и атрибуции см.: *Котомина А.А.* Указ. соч.
- ¹⁵ О том, что тексты сборника составляли единый ансамбль, предназначенный для ежевечернего чтения, пишет, в частности, Б. Руа, исследовавший рукопись при подготовке критического издания “Любовных загадок”: *Roy B. Devinettes françaises du Moyen Age. Montréal; P., 1977. P. 33.*
- ¹⁶ Кодекс из Шантильи состоит из 126 листов, сшитых в 16 пергаменных тетрадей размером 36,8 на 25,2 см.
- ¹⁷ *Paviot J. Bruges, 1300–1500. P., 2002. P. 98–100.*
- ¹⁸ *Pérouse G. Nouvelles françaises du XVI siècle. Images de la vie du temps. Genève, 1977. P. 23.*
- ¹⁹ Е.Д. Мурашкинцева считает, что фарсы, основанные на импровизации актеров в рамках традиционных амплуа и сюжетов, бытовали в основном в устной форме и в изучаемое время стали также объектом письменной фиксации: *Мурашкинцева Е.Д.* Фарс // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 557.
- ²⁰ Вот достаточно характерное высказывание комментатора произведения, М. Жей: “Создатель Р (имеется в виду рукопись из Парижа. – А.К.) предлагает текст, отличающийся во всех отношениях: простая компиляция превращается в литературное произведение, строго организованное по схеме шестидневника” (*Les Évangiles des Quenouilles.* P. 51).
- ²¹ Открывает сборник акварельная миниатюра в технике гризайль 113 на 70 мм, относящаяся к “Евангелиям от Прях”. Вторая миниатюра 104 на 74 мм, исполненная в той же технике, украшает л. 19 рукописи и относится к “Любовным загадкам”.

- ²² Les Évangiles des Quenouilles. P. 141.
- ²³ *Paupert-Bouchez A.* Op. cit. P. 6.
- ²⁴ Les Évangiles des Quenouilles. P. 134.
- ²⁵ *Jey M.* Savoir fair. P. 234–242.
- ²⁶ См. подробнее: *Мелетинский Е.М.* Сказки и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева. М., 1992. Т. 2. С. 441–444.
- ²⁷ *Muchembled R.* La sorcière au village XV–XVIII siècle. P., 1991. P. 53.
- ²⁸ Были опущены такие, например, фрагменты: «Кто случайно обмолвился, что вода в чане с бельем кипит, тот может легко испортить белье. Но можно и следует просто сказать: “она играет”». “Кто бы ни положил в субботу на мотовило всю пряжу недели, в понедельник найдет там помощь, которую исполнили помощницы фей в субботу вечером по своему обыкновению; а чтобы они подобным образом все сработали, пусть каждой из них предоставят свою часть (пряжи. – А.К.), потому что во всей они могут легко запутаться” (Les Évangiles des Quenouilles. P. 123, 139).
- ²⁹ Ibid. P. 128.
- ³⁰ Ibid. P. 126.
- ³¹ Ibid. P. 127.
- ³² *Аникин В.П.* Русское устное народное творчество. М., 2001. С. 289–294.
- ³³ “Тут нет никакой ошибки, сказала одна из прях, кто хочет избавиться от кошмара, пусть засыпает, скрестив руки. А кто опасается домового, пусть носит рубашку задом наперед”. «Домовой, сказала другая древняя старуха, когда я была на выданье, следовал за мной ночью, куда бы я ни пошла, и задавал мне такого страху. Одна наша соседка мне сказала: “Возьми с собой хлеб, и когда придет тебе охота помочиться, делай свое дело и в то же время ешь хлеб; если он увидит, что ты так делаешь, никогда больше не будет тебя преследовать”» (Les Évangiles des Quenouilles. P. 141–142).
- ³⁴ См. подробнее: *Pauper-Buchez A.* Sages femmes au sorcières? Les vieilles femmes des “Évangiles des Quenouilles” // *Sénéfiance. Axe-en-Provence*, 1987. N 19: Vieillesse et vieillissement au Moyen Age. P. 274–275.
- ³⁵ Слово “прялка” (“quenouille”) в XV в. могло служить обобщающей и несколько пренебрежительной заменой слов “жена”, “замужняя женщина”. А. Греймас приводит несколько клишированных оборотов, поговорок, в которых “quenouille” использовано в данном значении. “Eviter la quenouille” (“избежать прялки”) – говорили, подразумевая необходимость избежать перехода престола Франции к женщине, что послужило основанием для начала Столетней войны. Выражение “porter deux quenouilles” (“иметь при себе две прялки”) обозначало двоеженство (*Greimas A.J., Keane T.M.* Dictionnaire du moyen français. La Renaissance. P., 1992. P. 266). В названии произведения слово “quenouille” было употреблено в переносном значении. Это дало повод перевести название как “Евангелия от Прях”, а не “Евангелия от Прялок”. Такой перевод позволил сохранить смысловую связь с описанным А. Греймасом кругом значений, которая подкрепляется и содержанием произведения.
- ³⁶ *Regnier-Bohler D.* Fictions // Histoire de la vie privée / Sous la dir. de P. Ariès et G. Duby. P., 1985. Vol. 2. P. 344–347.
- ³⁷ Гипотеза о том, что автором второй редакции произведения мог быть К. Мансьон, была выдвинута впервые П. Жанне. Ее поддерживали Дж.-У. Хассел и М. Коломбо-Тимелли. См. подробнее: Les Évangiles des Quenouilles / Éd. P. Jannet. P., 1855. P. IX; Amourous Games. A Critical Edition of Les Adevinoux

amoureux / J.W. Hassel. L., 1974. P. XXVIII; Le Purgatoire des mauvais maris. Introduction et édition / Éd. M. Colombo-Timelli // Romania. 1998. T. 116. P. 495.

³⁸ Amourous Games. A Critical Edition of Les Adevénaux amoureux.

³⁹ См. подробнее: *Котомина А.А.* Колар Мансьон. Издатель XV века в поисках своего читателя // Средние века. М., 2008. С. 183–203. Вып. 6.

⁴⁰ См.: Les Évangiles des Quenouilles. P. 77–81.

⁴¹ Имена героинь – непередаваемая игра слов. Очень приблизительно на русский язык их можно перевести как Крючкотворное Умолчание, Волчица в Суматохе, Изобилие Пыла, Сивилла Прудов, Волшебное Обучение, Рогатая Берта. Подробнее см.: *Котомина А.А.* Евангелия от Прях: инкунабула, манускрипт, публика. Гл. 3.

⁴² Ibid.

⁴³ Les Évangiles des Quenouilles. P. 82.

⁴⁴ О динамике проникновения фольклора в литературу в изучаемое время см. подробнее: *Roy B., Jeay M.* L'émergence du folklore dans la littérature du XVe siècle // Fifteenth-Century Studies. 1979. N 2. P. 98–99.

⁴⁵ Les Évangiles des Quenouilles. P. 117.